

ПРАВО ВМЕСТО ХРИСТИАНСКОЙ МОРАЛИ: ПАРАДОКС ЭТИКИ ЛЮБВИ ЛЬВА ПЕТРАЖИЦКОГО

Е. В. Тимошина

Аннотация: В статье рассматриваются представления российско-польского правоведа, философа права Л. И. Петражицкого (1867–1931) о социальном значении морали и права как инструментов достижения «сверхправового» и «сверхнравственного» идеала любви. Его рассуждения демонстрируют глубокий теоретический анализ права в его соотношении с христианской моралью, которую он считал своего рода «идеальным типом» (в веберовском смысле) морали. Отмечается, что предложенное ученым разграничение морали и права по характеру обязанностей (свободных, односторонне императивных в морали и несвободных, которым коррелируют притязания на их исполнение, в праве) соответствует христианскому представлению о свободе человека. На основе анализа концепции Петражицкого об интуитивном праве делается вывод о том, что право имеет общий с моралью психологический механизм самообязывания, что позволяет говорить о внутренней моральности права. Интуитивное право может быть рассмотрено как императивы совести, как исходная и в этом смысле естественная интуиция справедливости. Понятие интуитивного права отражает целостный морально-правовой опыт человека, описывает ситуацию правильного этического выбора, который соответствует и моральным императивам, и требованиям справедливости. Парадокс этики любви Петражицкого состоит в том, что в качестве наиболее эффективного инструмента ее достижения ученый избирает позитивное право, располагающее механизмами мотивационного давления и физического принуждения, отсутствующими в морали и интуитивном праве, в то время как проповедь евангельской вести, сопряженная со свободой ее принятия, оказывается непригодной для достижения идеала всеобщей любви. Однако трансформация свободно исполняемых императивов христианской морали в правовые обязанности вызывает эффект, противоположный преследуемой цели, так как лишает человека и морали, и свободы как ее необходимого условия. Проектируемый Петражицким социальный идеал сопоставляется с той моделью общества, которое под видом «царства покоя и счастья» без свободы было описано Ф. М. Достоевским в «Легенде о Великом Инквизиторе».

Ключевые слова: мораль и право, философия морали и права, справедливость, этика, мотивация, интуитивное право, Л. Петражицкий.

Введение

Проблема соотношения морали и права относится к трудным вопросам философии права. Различие в понимании связи между моралью и правом уже не одно столетие разделяет представителей двух больших философско-правовых традиций — юридического позитивизма (И. Бентам, Г. Кельзен и др.) и естественно-правового подхода (Фома Аквинский, Г. Гроций, Г. Радбрух и др.). Первые исходят из того, что любое произвольное содержание может быть правом, а следовательно, действительность (обязательность) права никак не коррелирует с его моральной оправданностью, вторые считают моральную обоснованность права необходимым условием его действительности. За фасадом академических дискуссий стоит осознание радикальности этического выбора в ситуации противоречия между предписаниями морали и права. В результате этого выбора одна из норм в любом случае будет нарушена, а его последствия в виде наказания могут варьироваться от смертной казни до нестерпимых угрызений совести, пример которых дает нам евангельская история Иуды.

В философии права предпринимались попытки исключить возможность противоречия между требованиями морали и права. Одна из таких редких попыток принадлежит российско-польскому правоведу, создателю психологической теории права Льву Иосифовичу Петражицкому (1867—1931), который, по оценке его ученика социолога П. А. Сорокина, был, «вероятно, самым великим ученым в области морали и права двадцатого столетия»¹. Петражицкий, отнюдь не будучи мечтателем и традиционно аттестуемый как представитель правового реализма², проектирует социальный идеал, основанием которого должна стать этика любви. Достижение идеала любви с помощью исторически преходящих инструментов морали и права, убежден ученый, позволит человечеству, обретшему с их помощью совершенный социальный характер, освободиться не только от права, но и от морали — от всех форм стесняющей любовь нормативности.

Поясняя преходящее социальное значение права и морали, Петражицкий сравнивает их с водой и шампанским³. В этом сравнении мораль предстает роскошью (шампанским), без которой человек может обходиться, в то время как без права (воды) существование общества — до его перехода в эпоху «общече-

¹ Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 30.

² См. об этом, напр.: Fittipaldi E. Introduction: Continental Legal Realism // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. T. 2: Main Orientations and Topics / E. Pattaro, C. Rovarsi, eds. Dordrecht, 2016. P. 297—318; Timoshina E., Lorini G., Żełanec W. Other Russian or Polish Legal Realists // Ibid. P. 527—557; Brożek B., Stanek J., Stelmach J. Preface // Law and Philosophy Library. Vol. 125: Russian Legal Realism / B. Brożek, J. Stanek, J. Stelmach, eds. Cham, 2018. P. V.

³ По свидетельству польского философа, специалиста по теории и истории этики М. Оссовской, слушавшей лекции Петражицкого в Варшавском университете (см. об этом: Оссовская М. Нравственность и правовые нормы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1 (306). С. 195).

ловеческой любви»⁴ — невозможно. Такое сравнение кажется парадоксальным для правоведа, убежденного в историческом торжестве этики любви. С одной стороны, его рассуждения демонстрируют глубокий теоретический анализ права в его соотношении с христианской моралью, неотъемлемо присущую праву внутреннюю моральность. Раскрытию этих вопросов посвящены первые два раздела статьи. С другой стороны, социальный проект Петражицкого имеет своим источником переживаемое им как трагическое то напряжение, которое образуется между императивом личного нравственного совершенствования и невозможностью достижения *hic et nunc* совершенного общества. В стремлении ускорить этический прогресс, в существовании которого его убеждала история морали и права, он допускает типичную ошибку, вместе с ее типичными следствиями свойственную опытам построения «царства покоя и счастья»⁵. Объяснение этой ошибки и ее последствий, связанных с трансформацией моральных императивов в требования права, составляет содержание заключительного раздела статьи.

Право и христианская мораль

Петражицкий не считал возможным разграничить право и мораль по содержанию их предписаний и уподоблять их своего рода отдельным ящикам рецептов, из которых человек в различных случаях жизни вытаскивает подходящее правило. Напротив, полагал он, одно и то же по содержанию правило поведения может предписываться как правом, так и моралью. Ключевую роль в разграничении морали и права, а также и других норм Петражицкий отводит мотиву поведения, и это можно пояснить с помощью его собственного примера. Если купец не обвешивает, полагая, что в противном случае его торговля упадет и он будет иметь меньшие барыши, то он руководствуется правилом целесообразности. Если он признает обман злом самим по себе, а своей обязанностью — действовать правдиво, ибо правда есть добро, то в его сознании действует норма морали. Если же он исходит из убеждения, что покупателю, оплатившему товар, принадлежит *притязание* на определенное количество товара и обсчет нарушил бы приобретенное им право, то такое убеждение представляет собой норму права⁶.

Оставляя в данном случае в стороне критику неоперациональности исключительно психологического разграничения морали и права, обратим внимание на то, что в данном примере мораль и право связаны через обязанность, однако эти обязанности принципиально различны. Различие между моралью и правом Петражицкий поясняет на примере христианских заповедей: «Некоторые нормы устанавливают свободные по отношению к другим обязанности, авторитетно предписывают нам известное поведение, но не дают другим... притязания на

⁴ См.: Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Он же. Теория и политика права: избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. С. 580.

⁵ См.: Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 235.

⁶ См.: Петражицкий Л. И. Очерки философии права // Он же. Теория и политика права. С. 314–315.

исполнение, никаких прав — односторонне обязательные, беспритязательные, чисто императивные нормы. Таковы... нормы, соответствующие... евангельским изречениям: “А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую...” ...Подлежащие нормы... не имеют такого смысла, чтобы они устанавливали... притязания для обидчиков... наделяли их правом требовать подставления для удара другой щеки»⁷.

Таким образом, различие между моралью и правом состоит в характере обязанностей: моральные обязанности являются свободными, правовые — несвободными. Следование норме морали, исполнение моральной обязанности — свободный, не вынужденный каким-либо внешним императивом или притязанием какого-либо лица этический выбор человека, в то время как правовой обязанности всегда коррелирует чье-то притязание на ее исполнение, и это притязание оказывает дополнительное мотивационное давление на обязанного.

При этом именно притязание, правомочие обуславливает специфический для права механизм принуждения, отсутствующий в морали. Вследствие притязательной (атрибутивной) природы права субъект правомочия (управомоченный) смотрит на исполнение правовой обязанности не как на дело свободного усмотрения или милости обязанного лица, а как на получение «своего», должного, причитающегося ему независимо от расположения обязанного; неисполнение он оценивает как нанесение вреда, ущерба, агрессивное действие. Именно поэтому управомоченный не просит, а *требует* исполнения обязанности и стремится добиться или удовлетворения притязания помимо воли обязанного, или его наказания⁸.

Понимание Петражицким морали как свободных обязанностей и права как несвободных обязанностей, которым коррелируют притязания на их исполнение (атрибутивы), кажется точно соответствующим христианскому взгляду на свободу человека. Исполнение моральных обязанностей не может быть вынуждено каким-либо внешним авторитетом, и Бог не рассматривается в христианской этике как *субъект права требования* их исполнения. Не стесняя свободы человека, Бог только «стучит в двери» человеческой души и ожидает приглашения войти: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему» (Откр 3. 20). Обращаясь к человеку с заповедью любви, Бог не предъявляет притязания, не принуждает, угрожая наказанием, — только зовет. Заповедь любви, освобождающая человека от «стражи закона» (Гал 3. 23), не представляет собой внешнего императива, приказа или требования — это зов: «К свободе призваны вы, братия... любовью служите друг другу» (Гал 5. 13), — говорит ап. Павел и призывает христиан: «стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал 5. 1). Речь здесь идет, конечно, о внутренней свободе, понимаемой в христианской этике как свобода от греха (зла): «...истина сделает вас свободными... всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин 8. 32, 34). Внутренняя свобода понимается как свободный, невынужденный акт выбора в пользу добра, ибо если он будет вынужден, напри-

⁷ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 64.

⁸ См.: Он же. Очерки философии права. С. 260–261.

мер, чьим-либо притязанием или требованием, он лишится своего морального значения.

В этом отношении Петражицкий прав, многократно повторяя тезис о беспритязательности христианской этики, главное содержание которой — свободно исполняемый долг, обязанность. «Христианская религия, — подчеркивает он, — ...знаменует переход отношений на нравственную почву свободной возвышенной любви и устранение разных элементов правопритязаний»⁹. Эта свобода, обретаемая в любви к Богу и ближнему, происходит «от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры» (I Тим 1. 5), и она исчезает, как только к следованию моральному долгу примешивается мотив страха перед наказанием или исполнение моральной обязанности осознается как требующая вознаграждения заслуга.

Объясняя различия между моралью и правом, Петражицкий имеет в виду именно и исключительно христианскую мораль, полагая ее своего рода «идеальным типом» (в веберовском смысле) морали. Ученый отмечает, что дохристианским религиям был свойствен правовой характер взаимоотношений между богом (богами) и человеком. Взаимные права и обязанности связывали сверхъестественных существ и человека не только в архаичных политеистических религиях, в которых можно обнаружить как правопритязания богов на человеческие жертвоприношения, приписываемое богам право собственности на землю, право на получение налогов, право мести и др., так и их обязанности помогать человеку на войне, в отмщении обидчику и т. п. Петражицкому кажется удивительным, что и «в области религий столь высокого типа, как... еврейская и магометанская религии, божество оказывается... связанным разными правовыми обязанностями по отношению к людям и наделенным правами по отношению к ним», в то время как Бог и всемогущий Творец всего сущего должен был бы быть свободным от обязанностей и прав. В особенности религия Ветхого Завета «зиждется на правовой психике и пропитана этой психикой везде и всюду»¹⁰. Наличие правовых отношений между Богом и человеком кажется Петражицкому умалением божественного всемогущества, поскольку такие отношения необходимо предполагают инстанцию, авторизующую действительность их взаимных правовых требований: эта инстанция должна была бы октроировать Богу его права по отношению к людям или возложить на Него обязанность, предоставляя человеку право требовать ее исполнения¹¹.

С точки зрения Петражицкого, христианская мораль не является одним из многих видов религиозной морали. Представление о том, что любая религиозная этика предписывает каритативные, альтруистические обязанности, является, по его мнению, заблуждением. Именно и только евангельское учение произвело «коренную реформу отношений между людьми и божеством». Существо этой реформы он усматривает в том, что «вместо правовой, императивно-атрибутивной [этики] здесь вводится... чисто императивная этика». В этом смысле христианская мораль представляет собой чистый образец морали, хотя впоследствии,

⁹ Петражицкий Л. И. Очерки философии права. С. 305.

¹⁰ Он же. Теория права и государства... С. 116–117.

¹¹ См.: Там же. С. 116.

в Средние века, отмечает Петражицкий, имея в виду католичество, и в христианскую этику проникают правовые элементы¹².

Присвоение христианской этике свойства притязательности (атрибутивности) способно превратить христианство в одно из многих социально-политических учений, а Христа — в социального философа, обличающего несправедливость социального порядка. Подобная юстификация и политизация христианства, полагал Петражицкий, не соответствует его сути: по духу «евангельской... этики... люди обязаны по отношению к ближним к весьма многому и даже трудно исполнимому, но притязаний на исполнение этого со стороны ближних нет и не должно быть. Христианская этика — совсем беспритязательная этика, и если в Средние века и в Новое время... из евангельских заповедей... выводились... разные права и притязания... социального характера... то это полное непонимание... существа... всего учения»¹³.

Вместе с тем беспритязательность морали, отсутствие чьего-либо притязания на исполнение морального долга, отнюдь не означает, как поясняет Петражицкий, апатичного отношения ко злу, иногда проповедуемого на почве ложного понимания Нагорной проповеди. Такую «борьбу в пользу добра и против зла... вели сам Христос и его ученики, — отмечает Петражицкий. — Именно в этой борьбе... можно осуществлять... обязанности терпения, подвергаясь... преследованиям, оскорблениям... и охотно претерпевая последние без злостных и эгоистических реакций, как это показывает великий пример самого Учителя»¹⁴.

Однако локус этой борьбы — не политическое пространство, но душа человека как место действия этических (правовых и моральных) эмоций. Петражицкий убежден в том, что однажды — с помощью права — произойдет «неминуемая победа добра над злом в человеческой душе и в правилах общежития»¹⁵. Вопрос о том, как торжеству добра в душе человека может содействовать право, мы рассмотрим ниже, а пока обратимся к его ответу на вопрос «почему человек следует *должному?*».

Внутренняя моральность права: интуитивное право как императивы совести

Право и мораль выступают в теории Петражицкого двумя видами этических эмоций. Они мотивируют субъекта к следованию тому, что он переживает в качестве должного. Казалось бы, правовую мотивацию, сопровождаемую представлением угрозы наказания, следует отнести к телеологической. Однако наряду с моральной Петражицкий относит ее к чистой нормативной мотивации и рассматривает право как эмоцию долга, как будто бы забывая о притязательном (атрибутивном) характере права. Таким образом, оказывается, что право имеет общий с моралью психологический механизм самообязывания, обусловленный свойствами самих этических эмоций, и в этом аспекте отождествляется ученым с

¹² См.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства... С. 120.

¹³ Там же. С. 64.

¹⁴ Там же. С. 346.

¹⁵ Петражицкий Л. И. Введение в науку политики права // Он же. Теория и политика права. С. 22.

моралью. На вопрос о том, что является основанием обязательности права, Петражицкий дает определенный ответ: «Источник авторитетности и обязательности права... состоит... не в чьих-либо велениях, а в эмоциях долга»¹⁶. Иными словами, само сознание своей правовой обязанности есть необходимый и достаточный мотив ее исполнения безотносительно к неблагоприятным последствиям ее неисполнения, представления которых наряду с представлениями различного рода выгод ученый рассматривает в качестве косвенной вспомогательной мотивации — телеологической и строго ограничивает ее от нормативной. Различия между нормой и прагматическими соображениями Петражицкий поясняет следующим примером: «Если говорящий “не следует красть”... имел... в виду, что подлежащее поведение может повлечь за собой тюремное заключение... и вследствие этого по адресу кражи в его психике... восстает не этическая... эмоция, а... репульсивное моторное раздражение боязливой характера... то его... суждение “не следует красть” представляет... телеологическое переживание, ...суждение житейского благоразумия и расчета»¹⁷.

Ответ Петражицкого на вопрос, *почему человек выбирает должное*, вполне предсказуемо способен разочаровать представителя теологической версии естественного права. Петражицкий исходит из эволюционной гипотезы: эмоции имеют эволюционный характер, выполняя функцию приспособления психики человека к условиям природной и социальной жизни. Петражицкий объясняет выбор альтруистического поведения социально-психическим приспособлением, в процессе которого эмоции постепенно получают «такое содержание, которое соответствует общественному благу в мотивационном... отношении; они действуют... в пользу социально желательного и против социально вредного поведения»¹⁸.

И все-таки вопрос как будто бы остается без ответа — почему эмоции действуют именно таким образом? Ответ Петражицкого на этот вопрос можно найти в его концепции интуитивного права, в которой получает развитие идея внутренней моральности права.

Для субъекта христианской этики выбор должного объясняется тем, что, по словам Тертуллиана, душа человека по природе — христианка¹⁹. Поэтому «так ли удивительно, что она (душа. — *Е. Т.*) знает Того, от Кого дана? Даже стесненная недругом, помнит она о своем Творце, о Его благости и заповеди... Так ли удивительно, что она, данная от Бога, вещает то, что Бог дал знать своим?»²⁰ Совесть в христианской этике — голос Бога в душе человека: даже у язычников «дело законно... написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их» (Рим 2. 14–15).

Объяснение Петражицкого, предлагаемое правоведом в его концепции интуитивного права, этому по крайней мере не противоречит. Интуитивное право — это исходная и в этом смысле естественная интуиция справедливости. Голос совести, составляющий содержание интуитивного права, побуждает к сле-

¹⁶ Петражицкий Л. И. Теория права и государства... С. 428.

¹⁷ Там же. С. 83.

¹⁸ Там же. С. 127.

¹⁹ См.: Тертуллиан. Апологетик. К Скапуле. СПб., 2005. С. 141.

²⁰ Тертуллиан. О свидетельстве души // Избранные сочинения. М., 1994. С. 87.

дованию должному вопреки утилитарным, гедонистическим, прагматическим и т. п. соображениям: «мы... замечаем связанность нашей воли, мы чувствуем и сознаем, что мы обязаны... поступить так-то... так что не приходится и рассуждать о том, доставит ли нам такой-то поступок... пользу или нет, послужит ли он для нас источником... удовольствий или навлечет на нас неприятности. <...> “Внутренний голос” авторитетно... предписывает... наше поведение, наша совесть “повелевает” нам то или другое; ...нам присущи такие убеждения, которые властно и авторитетно для нас же самих нормируют наше поведение»²¹. Петражицкий описывает последствия неправильного этического выбора. Субъекты, действовавшие под влиянием эмоциональных влечений («искушений») вопреки своему этическому сознанию, «голосу совести», переживают сильные эмоциональные коллизии, которые иногда доходят до такой силы, что «происходит быстрое истощение организма и разрушение здоровья и жизни, или субъект доходит до отчаяния и самоубийства»²², — чем это не описание средствами психологической теории евангельской истории о предательстве Иуды?

В концепции интуитивного права Петражицкий реабилитирует скомпрометированное юридическим позитивизмом естественно-правовое понятие справедливости — не как абстрактного деонтологического принципа, а как психического опыта переживания ее действительности. В переживаниях справедливости мы имеем дело с «суждениями не о том, что полагается по законам и т. п., а о том, что кому по “совести”, по нашим самостоятельным, независимым от внешних авторитетов убеждениям причитается», т. е. с нормативными эмоциями, когда «соответствующее поведение сознается... как должное, независимо от каких бы то ни было целей и расчетов»²³.

Таким образом, следование должному не есть результат рационального выбора или прагматического расчета — совесть властно управляет моральным выбором человека, предписывая следовать должному и осуждая за уклонение от должного. Голос совести освобождает человека из-под «стражи закона» (Гал 3. 23) как внешнего императива, так как для человека, следующего императиву совести, отпадает необходимость во внешнем запрещающем законе. Петражицкий убежден в том, что по мере облагораживания человеческой психики сфера действия интуитивного права, т. е. нормативного регулирования «по совести», по сравнению с позитивным правом (законом), должна все более увеличиваться²⁴, в чем и выражается, по его мнению, этический прогресс. Однако уже и сейчас, убежден правовед, основой правопорядка и «рычагом социально-правовой жизни» является не позитивное, а интуитивное право, и только в патологических случаях конфликтов дело доходит до применения позитивного права²⁵.

Концепция интуитивного права Петражицкого не лишена проблем. Главная из них состоит в том, что без допущения превосходящей индивидуальный психический опыт онтологии трудно обосновать универсальный характер интуитив-

²¹ Петражицкий Л. И. Очерки философии права. С. 252.

²² Подробнее об этом см.: Он же. Теория права и государства... С. 140.

²³ Там же. С. 403–404.

²⁴ См.: Там же. С. 391–392.

²⁵ См.: Там же. С. 388.

ного права. «Мистически-авторитетный» характер этических эмоций констатируется им как факт, удостоверяемый опытом их переживания. Возможно, он считал, что вопрос об их трансцендентном источнике выходит за пределы науки, и предлагал исключительно социологическое объяснение универсализации эмоций справедливости: общность жизненных условий формирования и развития интуитивно-правовой психики индивидов в рамках социальных групп обуславливает существование коллективного интуитивного права — современного культурного общества, общественного класса и т. п. Однако такое социологическое объяснение вступает в противоречие с его тезисом о безусловной императивности и универсальности голоса совести: «...таинственный “голос” обращается к нам... не с просьбами или советами, а с приказами; “совесть” не просит, а “повелевает”»²⁶, а интуитивно-правовые нормы «представляются высшими законами, существующими... везде, всегда, по отношению ко всем»²⁷. Понятие интуитивного права, таким образом, отражает целостный морально-правовой опыт человека, описывает ситуацию правильного этического выбора, который соответствует и моральным императивам, и требованиям справедливости.

Аксиомы интуитивного права имеют безусловно императивный, категорический характер. К ним Петражицкий относит интуитивно-правовые убеждения в недопустимости убийства, пыток, порабощения людей, клеветы и т. п. Наличие таких общих и крепких интуитивно-правовых убеждений, по его мнению, делает позитивное право ненужным, что согласуется с положением новозаветной этики о том, что «закон положен не для праведника, но для беззаконных» (I Тим 1. 9). Аксиомы интуитивного права по мере исторического развития получают закрепление в законодательстве в виде правовых принципов. Петражицкий подчеркивает роль христианской морали в этом процессе формирования аксиом интуитивного права: «...величественная христианская, чисто императивная этика... заключает в себе... источник... образования... императивно-атрибутивных (т. е. правовых. — *Е. Т.*) принципов поведения. И немало таких первоначально чисто императивных начал поведения по отношению к ближнему... которые вытекают из общих принципов христианской морали... действием многовекового культурно-воспитательного процесса превратились в твердые императивно-атрибутивные психические кристаллизации, в прочный капитал правосознания»²⁸.

Это давало Петражицкому основания предполагать, что постепенно на смену правовой этике придет этика любви, и произойдет это с помощью мотивационного и педагогического действия права. Однако будет ли использование всего арсенала его мотивационного давления содействовать достижению этого идеала, той победе добра над злом «в человеческой душе и правилах общежития», в которую так убежденно верил Петражицкий? Ответ на этот вопрос мы найдем в его проекте политики права.

²⁶ Петражицкий Л. И. Теория права и государства... С. 47.

²⁷ Там же. С. 387.

²⁸ Там же. С. 128.

Право вместо христианской морали: ошибка Петражицкого

Наблюдаемый в истории права этический прогресс совершается, по мнению Петражицкого, медленно и бессознательно. В целях его рационализации и ускорения он разрабатывает науку политики права в качестве проекта «перевоспитания человеческой породы»²⁹ посредством права, понимаемого как система мотивации человеческого поведения и социальной педагогики.

В проектируемой им науке политики права Петражицкий видел способ возрождения классической естественно-правовой идеи, которая всегда указывала пути прогресса и совершенствования позитивного права. “Wiedergeburt des Naturrechts”, подчеркивал он, «означает не возрождение тех приемов работы, которые были свойственны школе естественного права, а создание науки политики права»³⁰. Однако представителями направления возрожденного естественного права его замысел был встречен критически, что инициировало не лишнюю остроты многолетнюю дискуссию между Л. И. Петражицким и П. И. Новгородцевым. Соглашаясь с необходимостью возвращения к идеальным основам права, ученые расходились в методологических основаниях такого ренессанса. Если Петражицкий считал тупиковым избранный московской школой³¹ путь неокантианского обоснования естественного права, полагая, что он ведет к возрождению произвольного рационального конструирования идеального права «помимо опыта и вопреки опыту»³², то Новгородцев видел в проекте петербургского ученого «дух старинного позитивизма» — «сочетание культа положительного знания с сентиментальными идеями и хилиастическими чаяниями», что, по его мнению, «сближает и роднит его с Кантом»³³. Эта оценка Новгородцева,

²⁹ Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале... С. 588.

³⁰ Он же. К вопросу о «возрождении естественного права» и нашей программе. По поводу диссертации П. И. Новгородцева «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» // Право: Еженедельная юридическая газета. 1902. № 41. Стб. 1800—1801.

³¹ Обозначение школы возрожденного естественного права как московской, а психологической школы Петражицкого — как петербургской первоначально сложилось, по-видимому, в польской науке, в среде его учеников (см., напр.: Финкелькраут Е. От издателя (1939) [предисл. к публ. рукописи «Философские очерки. О так называемом критическом методе и практической философии Канта»] // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. С. 601—602), и сегодня имеет обращение и в российском философско-правовом дискурсе (см., напр.: Петербургская школа философии права. К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого: монография / ред.: А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. СПб., 2018).

³² Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале... С. 562.

³³ Новгородцев П. И. Психологическая теория права и философия естественного права // Юридический вестник. 1913. Кн. 3. С. 23. Начало личной полемики между главами московской и петербургской школ философии права было положено выступлением Новгородцева на диспуте в Санкт-Петербургском университете (см.: Право: Еженедельная юридическая газета. 1902. № 40). Затем последовали статья Петражицкого с критическим анализом диссертации его оппонента «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» (см.: Там же. 1902. № 41—43) и ответ на нее Новгородцева (см.: Вопросы философии и психологии. 1903. № 66). Следующий раунд дискуссии состоялся в 1913 г. на страницах журнала «Юридический вестник» и был инициирован статьей Новгородцева «Современное положение проблемы естественного права» (Юридический вестник. 1913. Кн. 1), ответом на которую стала статья его петербургского оппонента «К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права» (см.: Там же. Кн. 2); статья

едва ли справедливая по отношению ко всему теоретическому наследию Петражицкого, вместе с тем точно определяет генеалогию его идеи о новой науке политики права.

Петражицкий подчеркивает, что в политике права «дело идет не о проповеди... нравственных заповедей, как в Евангелии», ибо «этого мало»³⁴, а об определении педагогической задачи, выполнение которой позволит человеку посвящать себя радостному служению обществу, человечеству, культуре, прогрессу и т. п.³⁵ Проповедь евангельской вести, сопряженная со свободой ее принятия, оказывается негодным инструментом этического совершенствования — евангельскую весть должна заменить проектируемая ученым наука политики права: «...когда речь идет о воспитании человечества с помощью разумной политики права, выставлять в качестве высшего идеала солидарное отношение... между близкими в... понимании евангельского учения было бы ошибкой»³⁶.

Цель — идеал любви — оправдывает средства, в качестве которых Петражицкий избирает предоставляемые правом механизмы мотивационного давления — от требования управомоченного до угрозы организованного принуждения, отсутствующие в морали и интуитивном праве. По сравнению с моралью, право вследствие особенностей своего мотивационного и педагогического действия, поддерживаемого угрозой принуждения к исполнению обязанности, оценивается Петражицким как более эффективное средство совершенствования человеческой психики. Это утверждение кажется тем более странным потому, что, по замечанию самого Петражицкого, в праве «в случаях исполнения нет почвы для действия... каритативных... реакций, а в случаях неисполнения действует тенденция злостно-мстительных... реакций»³⁷. Предположение таких реакций заставляет усомниться в том, что, по сравнению с моралью, право «более успешно укрепляет социально желательные привычки и склонности и искореняет противоположные элементы характера»³⁸.

В результате педагогического действия права человек будет, наконец, избавлен от «диссонансов и дисгармоний»³⁹, обусловленных его способностью к этическому выбору. Петражицкий поясняет: «Дело идет о... воспитании... идеального состава... психики, о постепенном искоренении эгоистических... злостных эмоциональных диспозиций и тем самым самой *психической возможности* соответственного поведения... о *насаждении*... каритативных эмоциональных диспо-

Новгородцева «Психологическая теория права и философия естественного права» (см.: Юридический вестник. 1913. Кн. 3) завершила этот этап дискуссии. Полемику на страницах того же журнала продолжили и другие представители московской школы: Н. Н. Алексеев и Е. В. Спекторский подвергли критике позитивистские методологические основания психологической теории права (см.: Там же. Кн. 4; 1914. Кн. 5). Петражицкий полемизировал с неокантианскими направлениями в философии права и в варшавский период (Петражицкий Л. И. Философские очерки. О так называемом критическом методе и о метафизике и практической философии Канта (1920—1923) // Он же. Теория и политика права. С. 601—774).

³⁴ См.: Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале... С. 581.

³⁵ См.: Там же. С. 584.

³⁶ Там же.

³⁷ Петражицкий Л. И. Теория права и государства... С. 146.

³⁸ Там же. С. 129.

³⁹ См.: Он же. К вопросу о социальном идеале... С. 588.

зий и тем самым создания *психической неизбежности*... доброго, милосердного, сострадательного... поведения (курсив мой. — *Е. Т.*)⁴⁰.

Проблема, однако, заключается в том, что социальный идеал Петражицкого не предполагал ближнего, по отношению к которому могут быть проявлены милосердие и сострадание. Ученый подчеркивает, что его идеал всеобщей любви открывает настолько «широкие и абстрактные гуманные горизонты», что освобождает человека от этически устаревшего императива любви к ближнему и вообще от ближнего как такового. Помощь ближнему — это «растрата этических сил на мелкие дела», ведь по сравнению с будущей лучшей жизнью и лучшим человечеством, «не только отдельные ближние с их целями, но даже все теперь живущие на земле люди вместе взятые — нечто по меньшей мере малое и скромное». Конкретные дела милосердия были уместны только для людей прошлых эпох психического развития, так как они просто не были способны «понимать абстрактные идеи и отдаленные перспективы и воодушевляться в пользу таких идеалов». Теперь же, убежден Петражицкий, «горизонт должен расшириться, от конкретных живых людей расшириться до человечества, от наличного момента и особого повода для проявления сердечности и доброты — до неограниченного далекого будущего»⁴¹.

Предполагая построить социальный идеал на идее любви, Петражицкий упускает из виду главное — основанием христианской этики являются личность Христа и событие Его Воскресения, а не сумма абстрактных моральных принципов — «если Христос не воскрес, то вера наша тщетна» (I Кор 15. 17). Это ясно выражено Достоевским: «...если б кто мне доказал, что Христос вне истины... то мне... хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»⁴². Отвлеченный принцип любви, которым Петражицкий измерял нравственную ценность христианства, имел, по его мнению, разные исторические воплощения — в «великих нравственных учениях прошлого»: Будды или Христа⁴³, а наивысшее — в приближаемом с помощью права социальном идеале «общечеловеческой любви». Ошибка Петражицкого для христианского сознания очевидна, типична и лежит на поверхности — учение Христа не ушло в прошлое, оно не исчерпывается нравственностью, а убеждение в этическом превосходстве над христианскими заповедями собственного социального идеала в конечном счете привело ученого уже в варшавский период (1918–1931) к тяжелому разочарованию в его осуществимости⁴⁴.

Вследствие этой ошибки контуры проектируемого Петражицким будущего общества людей с совершенной психикой оказываются вполне предсказуемыми — в русской философско-правовой традиции подобное «царство покоя и счастья» без свободы описывалось Ф. М. Достоевским в «Легенде о Великом

⁴⁰ Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале... С. 581–582.

⁴¹ Там же. С. 583–584.

⁴² Достоевский Ф. М. Письма, 1832–1859 // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1985. Т. 28. С. 176.

⁴³ См.: Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале... С. 583.

⁴⁴ Петражицкий покончил жизнь самоубийством. В числе возможных мотивов часто называют постигшее ученого разочарование в идее этического прогресса (см. об этом, напр.: Койдер А. Жизнь и творчество Леона Петражицкого // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. С. XLVII).

Инквизиторе» и В. С. Соловьевым в его последней работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Описанное в этой работе царство антихриста — «всеобъемлющее и примиряющее все противоречия»⁴⁵ — представлено здесь в виде «всеобщего мира» и «всеобщей сытости»⁴⁶.

Вместе с тем особый интерес представляет сопоставление универсалистского социального проекта Петражицкого с той моделью общества, которая описана в «Легенде о Великом Инквизиторе», что позволит, как кажется, разгадать смысл сравнения Петражицким права и морали с водой и шампанским. Как известно, в «Легенде» подчеркивается значение свободы, без которой нет христианской морали. Именно дар свободы, оцениваемый Инквизитором как невыносимое для человека бремя, составляет главный пункт обвинения, которое он предъявляет Христу: «Вместо твердого древнего закона — свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою»⁴⁷.

Как уже пояснялось выше, в логике размышлений Петражицкого правовая мотивация как несвободная исключает свободную, моральную. Предполагаемая проектом политики права трансформация свободно исполняемых императивов христианской морали в требования права вызывает эффект, противоположный преследуемой цели, так как лишает человека и морали, и свободы как ее необходимого условия: невозможно говорить о моральности поступка, если он не является актом свободного выбора, а обусловлен тем мотивационным давлением, которое оказывают на обязанного притязания управомоченного и / или угроза наказания. В отсутствие опыта переживания моральной мотивации мораль постепенно исчезает из числа мотивационных процессов.

Именно это и составляет цель Петражицкого — по мере достижения успехов в «перевоспитании породы *homo sapiens*» последует упразднение морали как инструмента социально-психического приспособления, используемого для психического давления с целью мотивации к социально-необходимому поведению. Вместо морали и права поступки человека будут определяться *психической неизбежностью* альтруистического поведения, сформировавшейся в сознании человека в результате длительной социальной дрессуры. Это означает, что свободу человека заменят выработанные в результате социопсихического приспособления репульсивные реакции, вызываемые представлением поведения, несовместимого со стандартами альтруизма и общего блага. Однако уже и сейчас, убежден Петражицкий, «дело идет... к постепенному упразднению нравственности и... огромная масса нравственных правил... упразднена и сдана в архив за ненадобностью», а с течением времени «вся нравственность отойдет в область преданий, как воспоминание о былой некультурности людей и необходимости держать их психику в тисках нравственности»⁴⁸.

⁴⁵ Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 743.

⁴⁶ Там же. С. 747.

⁴⁷ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. С. 232–233.

⁴⁸ Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале... С. 592–593.

Свое рассуждение об исчезновении морали по мере роста этической культуры Петражицкий подкрепляет следующим примером: «В каких тисках моральных... и правовых держались... женщины, какое обилие нравственных правил, запрещающих множество... вещей как опасных для целомудрия; какое нравственное негодование вызывало... множество того, чего теперешняя нравственность уже... не запрещает... А теперь нет нравственного негодования даже по поводу появления голых женщин на сцене! Это... в высокой степени поучительно!», — восклицает Петражицкий⁴⁹. Видимо, этот пример должен продемонстрировать блага достигнутого этического прогресса и, в частности, альтруизм, выражающийся в терпимости к соответствующему поведению.

Свидетельством этического прогресса является для Петражицкого появление «лучших людей», которые «уже теперь... свободны от внутренних понуканий нравственности... у них нет внутренних диссонансов — борьбы позывов к убийству, присвоению чужого, лжи... [и] “голоса совести”, восстающего против этого, противоположных... стеснений внутренней свободы со стороны нравственности»⁵⁰. Однако это освобождение от внутренней этической борьбы, от свободы, морали и голоса совести не является свидетельством достижения крайней ступени нравственного совершенства — сама постановка вопроса о существовании в морали такой крайней ступени ложна в своем основании. Свобода от морали может быть этическим выбором самого человека, пока он, не будучи подвергнут педагогическому действию права, еще сохраняет такую способность, или стать следствием социально-психологической дрессуры, уничтожающей свободу и мораль, — согласно рецепту Великого Инквизитора: «овладевает свободой людей только тот, кто успокоит их совесть»⁵¹, т. е. тот, кто превратит их в «счастливых младенцев, не знавших греха»⁵².

В последнем случае возникает вопрос: кто и в рамках какого социально-порядка будет осуществлять это принуждение людей к любви, кто успокоит их совесть и тем самым овладеет их свободой? Очевидно, этот порядок должен основываться на разделении тех, кто подвергается перевоспитанию при помощи права, постепенно лишаясь свободы и морали, и тех немногих, кто осуществляет такое перевоспитание, кто несет бремя свободы, сохраняя знание о добре и зле, и определяет направления правовой политики на основе знания закономерностей психического действия права. «Мы, — пишет Петражицкий, — можем воспитательно воздействовать на других и этим содействовать осуществлению... великой цели»⁵³ — конечно же «на почве сознательно-рациональной педагогики». Правовая политика и педагогика придут на смену бессознательного приспособления — «менее удачного, медленного... связанного с лишними жестокостями и слезами человеческими»⁵⁴. Социальные педагоги, специалисты в области политики права — те самые «сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие

⁴⁹ Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале... С. 592.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. С. 232.

⁵² Там же. С. 236–237.

⁵³ Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале... С. 592.

⁵⁴ Там же. С. 588.

познания добра и зла», — готовы утереть слезы и превратить «тысячи миллионов» в «счастливых младенцев», избавив их от «страшных теперешних мук решения личного и свободного»⁵⁵.

В подобном социальном порядке, как его описывает Достоевский словами Великого Инквизитора, «все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе Твоей, повсеместно»⁵⁶. Но цена такого порядка — свобода. Говоря от лица властвующих, Инквизитор сообщает о его главной особенности: «Теперь... люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим»⁵⁷.

В этих словах Инквизитора может быть найдена разгадка сравнения Петражицким права и морали с водой и шампанским. Мораль — это роскошь, принадлежащая избранным, в проекте Петражицкого — ученым, определяющим директивы политики права и использующим право для перевоспитания масс, принуждая их к тому, что немногие избранные — «сто тысяч страдальцев» — *his et nunc* посчитали добром. В этом смысле право является для них водой, в отсутствие морали становясь в руках властвующих единственным нормативным инструментом управления обществом. Если в христианской культуре преступление осмысливается как грех, то в обещанном Инквизитором всемирном царстве всемирного покоя⁵⁸ ожидаемо присутствует обратная логика: отсутствие уголовного преследования деяния избавляет от нравственного чувства вины и греха, — «преступления нет, а стало быть, нет и греха»⁵⁹.

Заключение

В социальном «идеале космополитизма», проектируемом Петражицким, «такие явления, как разные групповые солидарности и межгрупповая борьба, вражда, война, порабощения, угнетения, эксплуатации и проч., исчезнут с лица земли»⁶⁰. Этот идеал, как и многие другие, подобные ему, всегда казались привлекательными, именно поэтому миллениаристские (хилиастические) мечты сопровождают всю историю христианства. Однако «не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо... Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк 17. 20–21), оно «силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11. 12). Оно «берется», конечно, не внешней «силой», в том числе и не той «силой», которая принуждает к исполнению правовой обязанности, а внутренним усилием над самим собой, о чем так точно писал сам Петражицкий, описывая борьбу «искушений» и «голоса совести», «борьбу в пользу добра и против зла». Его основная интенция была верна — право совершенствуется по мере того, как совершенствуется под влиянием христианской морали душа человека в ее свободном следовании добру. Однако чистое сердце,

⁵⁵ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. С. 236.

⁵⁶ Там же. С. 235.

⁵⁷ Там же. С. 229–231.

⁵⁸ См.: Там же. С. 235.

⁵⁹ Там же. С. 230.

⁶⁰ Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале... С. 581.

добрая совесть и нелицемерная вера (I Тим 1. 5), делающие возможной любовь к ближнему и освобождающие человека из-под «стражи закона», менее всего являются «психически неизбежными» результатами педагогического действия права и принудительного «насаждения» добра.

Список литературы

- Новгородцев П. И. Психологическая теория права и философия естественного права // Юридический вестник. 1913. Кн. 3. С. 5–34.
- Койдер А. Жизнь и творчество Леона Петражицкого / пер. с польск. А. В. Бабанов // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. XXXVII–LXXII.
- Оссовская М. Нравственность и правовые нормы / пер. с англ. А. А. Краевский // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1 (306). С. 188–195.
- Петербургская школа философии права. К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого: монография / ред.: А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018.
- Петражицкий Л. И. Введение в науку политики права // Он же. Теория и политика права: избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. 3–184.
- Петражицкий Л. И. К вопросу о «возрождении естественного права» и нашей программе. По поводу диссертации П. И. Новгородцева «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» // Право: Еженедельная юридическая газета. 1902. № 41. Стб. 1793–1804.
- Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Он же. Теория и политика права: избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. 561–598.
- Петражицкий Л. И. Очерки философии права // Он же. Теория и политика права: избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. 245–379.
- Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000.
- Петражицкий Л. И. Философские очерки. О так называемом критическом методе и о метафизике и практической философии Канта (1920–1923) / пер. с польск. А. В. Бабанов, С. Э. Карпенко, И. Н. Татаринич // Он же. Теория и политика права: избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. 601–774.
- Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения: в 2 т. Т. 2 / ред.: А. В. Гулыга, А. Ф. Лосев. М.: Мысль, 1990. С. 635–762.
- Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография / пер. с англ. А. В. Липский. М.: Терра, 1992.
- Тертуллиан. Апологетик. К Скапуле / пер. с лат. А. Ю. Братухин. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2005.
- Тертуллиан. О свидетельстве души // Избранные сочинения / ред. А. А. Столяров. М.: Прогресс, Культура, 1994. С. 83–89.
- Финкелькраут Е. От издателя (1939) [предисл. к публ. рукописи «Философские очерки. О так называемом критическом методе и практической философии Канта»] / пер. с польск. // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. 601–602.
- Brożek B., Stanek J., Stelmach J. Preface // Law and Philosophy Library. Vol. 125: Russian Legal Realism / B. Brożek, J. Stanek, J. Stelmach, eds. Cham: Springer Nature, 2018. P. V–X.
- Fittipaldi E. Introduction: Continental Legal Realism // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law

World. T. 2: Main Orientations and Topics / E. Pattaro, C. Roversi, eds. Dordrecht: Springer Netherlands, 2016. P. 297–318.

Timoshina E., Lorini G., Żełaniec W. Other Russian or Polish Legal Realists // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. T. 2: Main Orientations and Topics / E. Pattaro, C. Roversi, eds. Dordrecht: Springer Netherlands, 2016. P. 527–557.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo
gumanitarnogo universiteta.

Seriia I: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie.
2024. Vol. 112. P. 73–90

DOI: 10.15382/sturI2024112.73-90

Elena Timoshina,
Doctor of Sciences in Law, Professor,
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
e.timoshina@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2948-4825>

LAW INSTEAD OF CHRISTIAN MORALITY: LEON PETRAZHYCKI'S PARADOX OF LOVE ETHICS

E. TIMOSHINA

Abstract: The article deals with the ideas of the Russian-Polish jurist, philosopher of law L. Petrazhycki (1867–1931) on the social significance of morality and law as the means to achieve a “supralegal” and “supramoral” ideal of love. His reasoning demonstrates a deep theoretical analysis of law in its correlation with Christian morality. Petrazhycki draws a distinction between law and morality based on the nature of duties: in law, duties are dependent on external authority or the other’s claim, while in morality they are not. The article analyses this distinction and argues that it is consistent with the Christian view on human freedom. Based on the analysis of Petrazhycki’s concept of intuitive law, it is concluded that law and morality share the same psychological mechanism of self-obligation, which makes it possible to postulate the inner morality of law. The idea of inner morality of law is further developed by Petrazhycki in his conception of intuitive law which is seen as the imperative of conscience as an initial intuition of justice. The concept of intuitive law embodies an integrated moral and legal experience of a person and is used to describe a situation in which the right ethical choice is made — such a choice corresponds to both moral imperatives and the requirements of justice. The paradox of Petrazhycki’s ethics of love lies in the fact that he regards positive law as the most effective tool for its achievement; this has mechanisms of motivational pressure and physical coercion that are absent in morality and intuitive law, while the preaching of the Gospel message, associated with the freedom of its acceptance, turns out to be unsuitable for achieving the ideal of universal love. However, the transformation of freely executed imperatives of Christian morality into legal duties causes an effect opposite to the goal pursued, as it deprives a person from both morality and freedom as its necessary condition. The author draws a parallel between the ideal constructed by Petrazhycki and the “reign of peace and happiness” without freedom that was described by Dostoevsky in “The Grand Inquisitor”.

Keywords: morality and law, philosophy of morality and law, justice, ethics, motivation, intuitive law, L. Petrazhycki.

References

- Bratukhin A. Yu. (transl.) (2005) *Tertullian, Apologeticus. To Scapula*. St. Petersburg (Russian translation).
- Brožek B., Stanek J., Stelmach J. (2018) “Preface”, in B. Brožek, J. Stanek, J. Stelmach (eds) *Law and Philosophy Library. Vol. 125: Russian Legal Realism*, Cham, pp. V–X.
- Fittipaldi E. (2016) “Introduction: Continental Legal Realism”, in E. Pattaro, C. Roversi (eds) *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. Vol. 2: Main Orientations and Topics*, Dordrecht, pp. 297–318.
- Gulyga A. V., Losev A. F. (eds) (1990) V. Solovyov. *Sochineniia v 2 t. [Works in 2 vols.]*. Moscow (in Russian).
- Kojder A. (2010) “Zhizn’ i tvorchestvo Leona Petrazhytskogo” [The life and work of Leon Petrazhycki], in E. Timoshina (ed.) *Petrazhycki L. Teoriia i politika prava: izbrannye trudy* [Theory and policy of law. Selected works], St. Petersburg, pp. XXXVII–LXXII (Russian translation).
- Kraevsky A. (transl.) (2013) Ossowska M. “Morality and Legal Norms”. *Pravovedenie*, no. 1, pp. 188–195 (Russian translation).
- Lipskii A. V. (transl.) (1992) Sorokin P. A. *A Long Journey. The Autobiography*. Moscow (Russian translation).
- Petrazhycki L. (2000) *Teoriia prava i gosudarstva v sviazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of law and state in connection with a theory of morality]. St. Petersburg (in Russian).
- Polyakov A., Timoshina E. (eds) (2018) *Peterburgskaya shkola filosofii prava. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia L’va Petrazhitskogo* [St. Petersburg school of legal philosophy: 150th anniversary of Leon Petrazhycki]. St. Petersburg (in Russian).
- Stolyarov A. A. (ed.) (1994) *Tertullian. Izbrannye sochineniia* [Selected works]. Moscow (Russian translation).
- Timoshina E. (ed.) (2010) Petrazhycki L. *Teoriia i politika prava: izbrannye trudy* [Theory and policy of law. Selected works]. St. Petersburg (in Russian).
- Timoshina E., Lorini G., Żełaniec W. (2016) “Other Russian or Polish Legal Realists”, in E. Pattaro, C. Roversi (eds) *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. Vol. 2: Main Orientations and Topics*, Dordrecht, pp. 527–557.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024

The article was submitted 25.03.2024